



—
_□□□□□ Это окончание. В этой невыдуманной истории очень много невероятного. А, быть может, невероятное здесь лишь на первый взгляд...

Главное, чтобы вы поняли: жизнь всегда раздаёт предупреждения индивидуумам. Умные это понимают и пытаются что-то исправить в своей жизни. Глупцы ничего не меняют и тогда возмездие неотвратимо

.
□□□□□ Вы удивитесь, узнав в конце о судьбах всех, кто в этой истории получил свою «чёрную метку»...

_□□□□□ Юрий ФЁДОРОВ

—
—
—
_ ЧЁРНАЯ МЕТКА

(из будущей повести «Жизнь и удивительные приключения полковника Касатонова»)

Часть II. МОМЕНТ ИСТИНЫ

Окончание

Начало см. [Часть I. ПРОСТРАНСТВО ВАРИАНТОВ](#)

7. КОМАНДИР ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АВИАЦИИ ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ ШТУРПИН

(Продолжение)

Генерал Штурпин содеял паузу с тем, чтобы подчинённые приготовили бумагу и нашли ручку...

— Первое. Немедленно по линии КП дайте срочную заявку на вертолёт для полёта на полигон, в районе полигона и обратно. Если в Чите, в штабе ВА, скажут, что по времени уже поздно, я пробью заявку через Командующего! Сейчас поставьте задачу начальнику ВОТП Белову: с утра вылететь на Ми-8 и на нём пройти с боевым курсом по пути полёта звена Касатонова к цели от точки их снижения с 900 метров. На земле искать всё, что может привлечь внимание, всё, что выглядит необычно. И прежде всего свежие воронки или места недавних разрывов четырёх бомб. Это может быть и заумью, но эту версию надо отработать, чтобы её исключить... Или подтвердить... — И в размышлении повторил: — Или подтвердить. В последнем случае манипуляции Ряпцева с пропавшей кассетой самописца станут ясными и прозрачными.

Виталий Иннокентьевич записывал указания командира дивизии и кивал, коротко подтверждая:

— Я понял, товарищ генерал!.. Ясно, Вячеслав Иванович!..

— Второе. Сдаётся мне тоже, не мог Касатонов держать высоту на 100 метров меньше заданной на глазах у РП полигона, а тот, в свою очередь, этого не заметить или закрыть на сие озорство глаза! Тут я на стороне пилотов! На это обратил внимание даже Командующий ВА, спросив, что говорят лётчики? Узнав, что по их и начальника ВОТП докладам истинная высота была 300 метров, попросил разобраться внимательно, заметив, что не верит, будто в нашей дивизии летают камикадзе, которые готовы подорваться на собственных боеприпасах! Он себя поставил на место лётчиков группы. Вот и мы должны так делать! В этом ключ расследования любого происшествия в авиации! Да и я Касатонова знаю отменно! Это хорошо подготовленный лётчик, хоть всего лишь и старший лейтенант! Мы ведь его награждали ценным подарком за отличную сдачу зачётов на инспекции Министра обороны. А тут такое! Командир звена с такой подготовкой не может не сознавать, что шестнадцать ОФАБ под крыльями истребителей – не игрушка! Что на меньшей высоте сброса бомбы долетят до цели быстрее и раньше взорвутся, а значит, звено просто не успеет уйти из зоны своих осколков и ударной волны даже на скорости 900! Они группой там и полягут!

В этом месте Кутряшов и Таласов снова переглянулись.

— Для чего он будет так рисковать? Нет-нет, он не пойдёт на это! Да и без надобности ему сие! То, что мы знаем о Касатонове, говорит о том, что этот лётчик решится только на просчитанный им риск, в котором он ситуацию будет держать под своим контролем! Поэтому с утра вы оба, плюс Касатонов, отправляетесь на новую тарировку САРПП у всех самолётов звена. Он находится рядом, всё делается на ваших и его глазах. А затем Касатонов лично берёт кассеты и с вами доставляет их на проявку в группу Объективного контроля! А потом вы втроём присутствуете при дешифровке. Мне докладывали, что Касатонов отлично знает САРПП. Это так?

— Да, Вячеслав Иванович!

— Пусть Касатонов понаблюдает со стороны за работой дешифровщиков! Вы можете чего-то не заметить, а он заметит, это в его интересах. А принимать решение, насколько справедливо его замечание, вам! Не помогать ему, но и не мешать! Однако

обо всех его возражениях, которые вы не стали учитывать, если такие будут, о тонкостях его поведения, о том, как держится, даже как реагирует на данные дешифровки, меня потом проинформировать! Будем оценивать, тогда будем думать! Мне нужна непредвзятая информация! И Командующему тоже. Я вообще не понимаю, кому в мозг пришла мысль после первой дешифровки делать тарировку САРПП и дешифрировать по новой?

— Инженеру по авиационному оборудованию дивизии майору Краснолобову, — проговорил Таласов.

— Краснолобову? Тогда это не в мозг, а в другое место! А была в этом надобность? Вот сейчас, выходит, надо снимать и эту головную боль – показания объективного контроля! Чтобы объяснения лётчиков совпадали с записью бортовых самописцев. Иначе Командующий, узнав, что командир звена считает всё подтасованным, результатам нашего расследования не поверит и пришлёт своих инспекторов. А на кой чёрт оно нам нужно! Эту бодягу надо быстрее заканчивать!

— Понято, товарищ генерал! — кивает полковник Кутряшов.

— Третье. Сергей Викторович, озадачьте этого Краснолобова, поручите ему переговорить с каждым военнослужащим группы Объективного контроля. С каждым по отдельности. Пусть вспоминают: кто и при каких обстоятельствах вчера видел в Группе ОК лётчиков звена Касатонова после сдачи кассет под расписку и ухода. И до момента обнаружения пропажи кассеты с самолёта № 40. Самого Касатонова, Везеловского, Ряпцева и... Как четвёртого?

— Алесеевич!

— Да! И Алесеевича! Кто и когда возвращался в группу? Для чего? Что делал? Что говорил, просил или брал? Пусть спрашивает особо про Ряпцева. В ОК всех лётчиков знают по фамилиям и в лицо. В крайнем случае, всем показать фото из личного дела этого лейтенанта!

— Утром сделаем, Вячеслав Иванович! — вставляет подполковник Таласов.

— Четвёртое. С утра силами бойцов организуйте прочёску района расположения группы Объективного контроля и лётного домика. Поставьте задачу: искать ворох засвеченной плёнки с самолёта лейтенанта Ряпцева и обломки кассеты. Как выглядят неперфорированная плёнка и кассета показать солдатам, которые будут привлечены к поиску. Плёнка на негорючей основе, её спичкой не уничтожить, можно только засветить и выбросить. А поломать бронированную кассету, кажется, вообще невозможно! Так?

— Пожалуй.

— Если этого ничего не будет найдено в районе группы ОК, кассету искать... в выгребной яме туалета! Больше её деть некуда! С собой лётчики её не повезут – могут найти, а это улика! Нет, после хищения от неё будут побыстрее избавляться! В очко засвеченную плёнку бросать не станут – она будет на поверхности и хорошо видна. Значит, попытаются утопить кассету целиком. Следовательно, кассета целая и в г*мне! Это даже лучше!

— Лучше, что в г*мне? — не понял замкомдива.

— Что целая! Сергей Викторович, в г*мне мы будем все перед Командующим, если завтра к вечеру не разгадаем все тайны этой опасной предпосылки к лётному происшествию, если не найдём кассету и дадим лётчикам себя обвести вокруг пальца! Найдите засвеченную плёнку или достаньте из дерьма кассету! К девяти утра я буду в

Налайхе! Хочу посмотреть в глаза...

— Касатонову! — досказывает комполка.

— Ряпцеву! Касатонову посмотреть в глаза успеется! Когда у нас на руках будут все козыри... В этом случае с ним тогда разговаривать будет проще! Никуда он тогда не денется, всё признает, как миленький! Или, что скорее всего, с него будут сняты все обвинения в нарушении методики бомбометания!



8. УТРО НОВОГО ДНЯ — *А теперь давайте выпьем, и да здравствует юность!*
Поздно понимает человек, как это прекрасно – быть юношей!

Из пьесы М. ГОРЬКОГО «Варвары»

Ночью у Касатонova сон был коротким, но крепким. Юрий проснулся посвежевшим и с новыми силами. С большим удовольствием, стараясь не думать о вчерашнем, сделал утреннюю зарядку.

— Ну что? — спросил молодого кэзэ у ворот городка инженер эскадрильи майор Панышин. — Как у тебя дела? Ребята-техники переживают за тебя...

Юрий рассказал.

— Вот почему-то всегда так: кто старается по службе, тому не везёт, — заметил замкомандира аэ по ИАС.

— Ничего, товарищ майор! — ответил Касатонов. — Я всё равно докажу свою невиновность! Есть у меня почему-то такая уверенность! Ну, если было так, как я рассказываю, а не иначе, значит, я это смогу доказать? — и улыбнулся.

— Юрий, откуда ты берёшь столько сил? — глядя в глаза молодому офицеру, интересуется Панышин. — Я бы так не смог! Желаю тебе удачи! Она тебе сегодня пригодится!

9. РАЗОРВАННЫЙ КРУГ

□□□□ Секрет в том, чтобы дружить с теми, кто лучше, и тренироваться с тем, кто сильнее. Любить того, кого нельзя, и не сдаваться там, где сдаются другие.

Омар ХАЙЯМ

С утра командир полка приказал провести новую тарировку и дешифрирование плёнок самописцев на самолётах звена Касатонова. Подозвав Юрия после полкового построения, предложил ехать с ним и замкомдива в ТЭЧ полка на командирском ГАЗике.

«Чёрт его знает! Возможно, зная меня, он чувствует, что здесь что-то не то, — самонадеянно решил Юрий. — В любом случае, я на его месте поступил бы так же: надо устранять появившиеся вдруг противоречия – в показаниях самописцев и свидетельствах лётчиков».

Касатонов заходит в эскадрильский класс и докладывает комэске майору Орлову, что командир полка забирает его, Юрия, в ТЭЧ на тарировку САРПП и новую дешифровку плёнок.

— Везеловский, остаёшься за меня!

— А ты куда? — глядя на командира звена и широко улыбаясь, поинтересовался Влад, не смотря на то, что в классе все, в том числе и он, слышали, куда и зачем кэзэ едет. — В ТЭЧ полка? Клепать дыру?

Он засмеялся и оглянулся на лётчиков эскадрильи, предлагая им тоже посмеяться над такой превесёлой его шуточкой.

— Клепать дыру в крыле будете вы, лейтенант Везеловский! Потому что именно из-за вашей недисциплинированности и вашей глупости случилась эта предпосылка к лётному происшествию! И именно вы привезли осколок с полигона! А за нетактичное поведение с командиром звена объявляю вам строгий выговор!..

Везеловский вмиг стал серьёзным и даже побелел.

— Не слышу! — продолжал нажим Касатонов. — Вы офицер или кто?

— Есть, строгий выговор... — тяжело поднимается Влад. И с вызовом: — Я же пошутил!

— Лейтенант Алесеевич! Остаётесь вы за меня!

Сергей кивает. А Юрий выходит из класса.

— Вот козёл! — возмущается Влад. — Шуток не понимает?

— Получил, Везеловский? — поднимает голову от плановой таблицы комэск. — Ты не смотри, что у тебя командир звена всего лишь старший лейтенант! Смею заметить, пороть личный состав Касатонов умеет! Ты этого не знал? Узнаешь на своей шкуре! И писать на тебя аттестации будет Касатонов, а не кто-то другой, если тебя сейчас будут переводить на нелётную должность! Или думаешь, я твоему командиру звена прикажу черкануть на лейтенанта Везеловского положительные выводы? С какого хрена? Таких, как ты, надо гнать с лётной работы! В одном полёте столько глупости, а после полёта столько лжи! Ты сегодня жив или не покалечен, благодаря точности выдерживания Касатоновым режима бомбометания и случайности. Поэтому тебе надо вести себя тихо, скромно и заглядывать ему в глаза. Тем паче, когда ты, сопляк, сам везде виноват!..

— Но, товарищ майор, это всего лишь шутка!

— Не перебивать меня! Нашёл над кем хихикать! Что он тебе, мальчик? Твой кэзэ – Военный лётчик Первого класса! А ты едва только третий получил! И будет ли у тебя когда-нибудь Первый класс – ещё под вопросом. У Касатонова подготовка к боевым действиям, которая тебе, дураку, и не снилась! Не думаю, что после всего случившегося,

твоей лжи, попыток свалить на него свою вину и такого твоего поведения ему захочется натаскивать тебя и делиться с тобой своим опытом! И вообще, шёл бы ты от нас в другую эскадрилью!

— Товарищ майор...

— Заткнись! Везеловский, это всё! Ко мне обращаться только через своего командира звена! Не знаю, как он будет с тобой летать! Я тебя обучать не собираюсь. Правильно про тебя сказал командир полка – ты ненадёжен!..



У штаба к

Касатонову подходит инженер полка по вооружению майор Юсупов, довольно грамотный специалист и хорошо начитанный офицер. Вообще-то, Юсупов – ходячая энциклопедия по многим вопросам, кроссворд любой сложности он разгадывает за 3-5 минут, самостоятельно выучил испанский язык.

— Юра, кто вам ставил задачу бросать осколочные бомбы с 300 метров?

— Командир полка...

— А ты знаешь, что их можно бросать без тормозных устройств и со взрывателями мгновенного действия, какие были у вас, не ниже 500?!

Касатонов сдвинул фуражку на затылок и присвистнул:

— Ну ни хрена себе заявочки! Нет, я этого не знал! М-да... Если начальство от бога, то кто тогда от чёрта?

Вот это и было то первое нарушение, о котором мы упомянули в начале рассказа.

Из штаба появляются полковник Кутряшов и подполковник Таласов.

— Пошли! — кивнул Юрию полкач.

Касатонов глянул на Юсупова. Потом говорит:

— Товарищ полковник, на минуту можно вас?

Когда замкомдива отошёл, направляясь к ГАЗику, командир звена попросил инженера-оружейника:

— Пожалуйста, товарищ майор, доложите командиру!

Юсупов повторил свою информацию.

— Чччёрт! — сказать, что полкач удивился – значит, вообще ничего не сказать. Он

был просто поражён! — Что ж вы сразу не проинформировали? Узнаёшь об этом, когда уже всё случилось!

— Нас никто не спрашивал! — ответил инженер.

— Ладно, пока не болтайте по полку! Касатонов, поехали! А то здесь ещё что-нибудь всплывёт! Час от часу нелегче! Твою мать! Куда ни ступишь, везде сплошное дерьмо!

Лётчики дошли до машины. Юрий открыл дверцу и с разрешения замкомдива, стал забираться на заднее сидение.

И они помчались на аэродром в ТЭЧ полка.



Специалисты тарировали САРПП на всех самолётах, на которых звено летало. Командир полка, замкомдива и Касатонов лишь присутствовали при этом.

Юрия подозвали Кутряшов и Таласов:

— А какая погрешность у САРПП? — спросили у командира звена старшие офицеры.

— Пять процентов от измеряемого параметра, товарищ полковник!

— Но ведь это огромные цифры! — воскликнули «руки граблями». — Максимальная высота измерения самописца, кажется, 30.000! Получается погрешность у вас... Где-то... полторы тысячи! А вы докладываете, что летели на 400! Значит...

Касатонов вздохнул:

— Нет, товарищ подполковник, вопрос не в этом! Пять процентов – от и з м е р я е м о г о параметра! Для высоты 30.000 действительно погрешность будет 1500 метров, а для нашей высоты в 400 это будет... будет всего плюс-минус... 20 метров! Нет-нет, дело не в этом, надо понять, где кроется ошибка! В тарировке? Или в дешифрировании? И почему при первом дешифрировании была определена правильная высота 410 метров, а после тарировки вдруг уменьшилась до аварийной 270?

Затем кассеты в чехлах с резиночками передали Юрию, и офицеры завезли их в Объективный контроль.

Десять минут ушло на проявку и сушку плёнок с помощью чистого спирта.

Затем началась дешифровка.

Солдат ОК в полутёмной комнате вставлял плёнку в проекционный аппарат, затем клал под изображение шаблон и выставлял ленты дешифровки скорости, высоты и перегрузки в соответствии с новыми тарифовочными данными. После чего ставил плёнки боевого вылета касатоновского звена на ЛТУ, находил моменты сброса бомб на полигоне, считывал показания. Рядом стоят все – замкомдива подполковник Таласов, командир полка полковник Кутряшов, инженер АО дивизии майор Краснолобов и старший лейтенант Касатонов. Они просто наблюдали.

Боец диктовал:

— Старший лейтенант Касатонов... приборная высота – 270 метров (т.е. истинная 190 – *авт.*), приборная скорость – 860 (истинная 890 – *авт.*)... перегрузка на выводе после сброса – три единицы...

Юрий закусил губу. Кутряшов записывает продиктованные данные в блокнот и спрашивает у дешифровщика:

— Это точно?

— Ну да, — отвечает солдат. — Вы же сами видите, товарищ полковник!

Плёнки в аппарате заменяются. Меняется и шаблон на столе.

— Лейтенант Алесеевич... приборная высота – 285 метров (т.е. истинная 205 – *авт.*), приборная скорость – 880 (истинная 910 – *авт.*)...

Перегрузка после сброса – три единицы...

— Ну? — глядя на молодого командира звена, говорит «морда ящиком». — Что скажите, лейтенант?

Касатонов, буркнув: «Прошу прощения!», повернулся и пошёл к выходу.

— А сказать-то нечего! — хихикнул ему в спину Краснолобов.

Солдат за спиной Юрия продолжает диктовать:

— Лейтенант Везеловский...

В самых дверях от непонимания происходящего Касатонов остановился, уперевшись руками сверху в косяк.

«Это какой-то сумасшедший дом! — промелькнуло в сознании лётчика. — Как может САРПП писать то, чего не было?! Была же первая дешифровка, где всё совпадало! Почему вдруг после тарифовок всё поменялось? Тут что-то не так! И это “что-то” где-то тут же, а я его никак не увижу! Но что? Почему я это не замечаю? Нет, сдаваться нельзя!»

Юрий резко разворачивается и снова идёт к месту дешифровки.

— Не может этого быть! — говорит он громко. И потом даже прикрикнул: — Ну не бывает так – чтобы у нас были параметры полёта одни, а самописец фиксировал то, чего не было!

Сейчас, сейчас всё выясним! Какая высота была на маршруте? Должна быть 900 метров! Если там сейчас будет 800, тогда всё станет ясно! Ну, почти всё!..

И тут Юрия осеняет новая догадка!

— Ну-ка, ну-ка, ну-ка! Разрешите? — и слегка оттесняет плечом Таласова.

Затем берёт свободно свисающее из проекционного аппарата начало плёнки. Смотрит надписи на ней. Потом с возмущением спрашивает солдата:

— Вы плёнку, какого самолёта заложили в аппарат?

Дешифровщик читает:

— Тридцать девятого...

— А дешифровочный шаблон какого на столе? Сорокового?

— Ой!.. Я... йя-йя... ошшибся...

Солдат по штатам входил во 2ю эскадрилью, стоял на вечерней проверке в эскадрильском строю, ночевал в казарме 2й аэ. И вероятность попасть ему под дисциплинарный арест от Касатонова по любому поводу – любому! – когда Юрий будет ответственным по подразделению, начала возрастать с невероятной быстротой! Просто за то, что молодой офицер так перенервничал из-за этого м*дака вчера и сейчас! Тем более, когда манипулятор пойман с поличным на подтасовке и знает свою вину. А служивому хотелось поехать домой в отпуск! Однако после гауптвахты и заполучив в лице Юрия такого серьёзного врага, это становилось практически невозможным! Поэтому испарина у него выступила на лбу моментально, посему он и начал заикаться.

Касатонов обернулся назад и заорал:

— Где начальник Объективного контроля? Лейтенант Ивин!

Из тёмной фотолаборатории появляется заспанная моська начальника группы.

— Вы кого посадили за дешифровку? Солдата? Здесь находятся замкомдива и командир полка! Расследуется важная предпосылка к лётному происшествию, которая на контроле у командира дивизии и Командующего Воздушной Армии! А вы всё свалили на рядового?!

Все старшие офицеры недоумённо переводили взгляды с командира звена на дешифровщика, затем на шаблон, потом опять на Касатонова и молчали. Может, потому что Юрий говорил пока всё правильно?

Касатонов требовательно глянул на бойца:

— Вчера второй раз тоже вы дешифрировали?

— Дда, товарищ старшший лллейтенант... Я нне специально! Ййя...

Че-честное слово!..

— Дважды? Вчера «не специально» и сегодня? По трём самолётам подряд? И это ваше честное слово? Сколько в нём честности?

На испуганного дешифровщика было жалко смотреть. Ещё немного и он на глазах офицеров просто обоссется!

— Ивин! Почему этим занимается солдат, который ни хрена не знает, ничего толком не умеет? А потом командование делает неправильные выводы по предпосылке?

И тут же за ворот стянул бойца с рабочего места дешифровщика. Юрий просто дал выход эмоциям (простим ему это):

— Пошшёл вон отсюда, щщщенок! Ивин! Сюда! Лично садитесь за аппарат! Давайте всё сначала!

С видом провинившегося, дешифрировать начинает начальник группы.

— Да здесь же всё так просто! — приговаривает он. — Сейчас запрашиваем оттарированные данные...

Боец с дрожащими губами стоял чуть в стороне и не знал, что сделать, чтобы услужить разгневанному офицеру своей эскадрильи.

Юрий сверкнул на него очами и прошептал:

— Вон отсюда! — и этот шепот стал для бойца пострашнее любых раскатов грома!

Солдат не заставил повторять команду дважды и буквально выскочил из комнаты.

— Кладём шаблон... Старший лейтенант Касатонов... Какой борт? 37й... Какой шаблон?.. 37го. Тэк-с... Тэк-с... Тэк-с... Есть!.. Теперь плёнку вылета ЛТУ...

— Смотреть высоту по маршруту!

— Взлётник... Наборчик высоты... По маршрутику... У вас было... было 900 метров по прибору!

— Правильно! На полигоне!

— На полигончике... Нажатие боевой кнопочки... Такой маленькой... боевой...

Ивин находит нужное место. А Касатонов облегчённо вздыхает, первым увидев то, что надо.

— Высота приборная – 410 метров (т.е. истинная – 330 м – авт.)... Скорость приборная – 860... Перегрузка...

— Не надо перегрузку! — говорит Касатонов безапелляционно, будто он здесь – самый старший. Но ему никто не возражает.

— Перегрузочку не надо! — послушно соглашается начальник ОК. — Ну не надо, так не надо!

Он вытягивает из аппарата одну плёнку, вставляет другую. А Касатонов мельком смотрит в записи блокнота полкача. Тот заносит новые данные.

— Лейтенант Алесеевич... Борт 38й... Шаблон... Где он?.. Вот он! Шаблон 38го... Тэк-тэк-так... Сейчас... Устанавливаем... Проверяем... Отличненько будет... По маршрутику... Около 900 метров... А теперь полигончик... Вот это местечко... Высота приборная – 425 метров (т.е. истинная – 345 м – авт.)... Скорость приборная – 880...

И Юрий не выдерживает, чтобы не вздохнуть и победно не вякнуть:

— Ну? Что можно сказать, товарищ подполковник? — интересуется, коротко взглянув на представителя (одного из семи людей) очень малой народности. Потом опускает глаза на проекцию плёнки на столе и смягчает: — Вы знаете, я показаниям САРПП тоже начинаю верить! Честное слово!

Замкомдива не отвечает. Собственно, ему и нечего отвечать. Да и нужно ли?

Но тут в диалог встряёт инженер дивизии по АО Краснолобов:

— Ну, смотрите, какая разница в показаниях высот и скоростей самолётов! А ведь они летят в одной группе! Это не строй, а полный беспорядок! — он пытается подыграть против Касатонова, видимо, замкомдиву. Нашего полкача он и в грош не ставит. — Разве так летают? Разве это строй?

Таласов поворачивает к нему своё острое лицо и тихо нажимно произносит:

— Ззззаткнись! Если ты ни хрена не понимаешь! РП на полигоне доложил, что до момента сброса строй у них был идеален! И-ДЕ-А-ЛЕН! Понял? И твоя разница в показаниях САРПП никого здесь не еб*т!

Даже в полутёмной комнате видно, как Краснолобов краснеет и он поступает так, как было ему сказано старшим по должности и воинскому званию – то есть, зззззатыкается.

А Касатонов с довольным видом смотрит на пересечения линий самописца на столе. И снова мельком глянул на полкача и замкомдива. Краснолобов Юрия не интересуется, он его в упор видеть не желает. Кутряшов, поймав взгляд своего лётчика, понимающе ему кивает. Таласов вроде как взора молодого командира звена не заметил.

— Лейтенант Везеловский... Борт 39й... Шаблон... Устанавливаем... Смотрим... Розовая командочка «БК»... Высота приборная – 200 метров (т.е. истинная – 120 м)... Скорость приборная – 890...

Это была маленькая, но такая нужная Юрию Касатонову победа!

